

Никто толком не осознал, какой грандиозный прорыв совершился в самом начале прошлого 20-го века, когда великий каббалист, преподаватель в политехническом ВУЗе, где учился Эйнштейн, провозгласил на основе своих физико-математических исследований, что времени нет и нет пространства. Есть только ТАЙМРАУМ (время_пространство или пространство_время). Даже Эйнштейн думал, что Герман Минковский просто придумал ловкую математическую ловушку и не более.

Зато молодой поэт Виктор Хлебников сразу понял, в чём дело. Ещё в первом прозаическом отрывке под названием «Завещание» Хлебников сказал: «Пусть на его могиле напишут: «Он связал пространство и время...». Как не вспомнить анекдот про сержанта Иванова, который вслед за Минковским и Эйнштейном связал пространство и время, приказав его подчинённым копать траншею ОТ ЗАБОРА И ДО ОБЕДА.

Идея связать пространство и время возникла в сознании студента Казанского университета чуть-чуть раньше того момента, когда Герман Минковский прочтёт свой доклад о пространственно-временном континууме: «Отныне время само по себе и пространство само по себе становятся пустой фикцией, и только объединение их в некую новую субстанцию сохраняет шанс быть реальностью».

Многие до сих пор не поняли, что это означает. Даже Эйнштейн просто счёл вначале удобным воспользоваться графиком Минковского как неким математическим обобщением, где в пространстве вместо точек возникают некие отрезки, сливающиеся в линию мировых событий. И лишь в конце жизни Эйнштейн в письме к сыну чёрным по белому написал, что «прошлое, будущее, настоящее» с точки зрения физики есть простая иллюзия человеческого восприятия. Ведь график Минковского покончил с иллюзией времени и пространства Ньютона. Теперь перед нами их единство, названное Бахтиным термином «хронотоп». Хронотоп Хлебникова означал, во-первых, что во

времени можно свободно перемещаться из настоящего в прошлое или будущее, поскольку на линии мировых событий Минковского будущее и прошлое присутствуют всегда здесь и сейчас.

Чтобы показать, как это выглядит, посмотрим на дуэль Пушкина с Дантесом в свете открытий Хлебникова-Минковского-Бахтина-Эйнштейна.

* * *

*Как маялся стилист высокий на диване
приливая кровью
и как Дантес был далеко отсюда
Он с приближеньем смерти от-далялся
от выстрела
и пули раны
теперь он дальше всей вселенной
хотя «рука бойцов колоть устала»
и может быть гора кровавых тел
не может быть горою никогда
поскольку тело больше
чем гора любая
и нет в полях кровавая гора
а в животе кровавая дыра
и залпы тысячи орудий
слились в протяжный вой Ивана Ильича
не хочу-у-у-у-у-у-у*

*(Читай одноимённого Толстого
с тотемным знаком африканским ЛЬВА
откуда родом по отцовской ветви
Пушкин
куда уехал не Дантес - охотник Гумилев
стрелять во ЛЬВА но не в Толстого
а в африканского
но рикошетом пули был сражён
в одноимённом городе
где ныне
умирал от Пули Пушкин
а шкура ЛЬВА валялась под диваном
у Гумилева до расстрела)*

*Итак, дано:
Дантес, ЛЕВ, Гумилев, Толстой и
Пушкин
Их связывает Африка и пуля
Что общего меж Африкой и пулей?
Но в первый миг творенья*

они ещё не от-делились
друг от друга,
и более того: Дантес и Пушкин
в тот миг едва ли были различимы
поскольку весь объём вселенной
был менее игольного ушка
в которое пролез верблюд (богатый)

Так соблюдая Правило верблюда
Дантес и Пушкин вновь соединились
посредством выстрела и рваной раны

Дорогой читатель
Тебя интересует чему равен ты?
Утешаю тебя ты ничему не равен
кроме той пули
которую так просто извлечь сегодня
о чём свидетельствует Вторая мировая
война
где большинство раненных в живот
вернулись в строй для нанесения другим
таких же ранений
Немцы были Дантесом
мы – Пушкиным
Мы победили
потому что согласно правилам
справедливости
второй раз Пушкин убивает врага
в разбегающейся вселенной
всегда побеждает ДРУЖБА

Вот так далеко разбежались Дантес и
Пушкин
растянулись на два фронта
А давно ли вся побеждённая армия
Бонапарта
сжалась в точку пули Дантеса
дабы в битве Кутузов – Наполеон
победила ДРУЖБА

Но если взять момент
когда до сотворенья мира
ДАНТЕС и ПУШКИН были нераздельны
как ты и я сейчас
когда от пули рана неотличима
и опять же вместе
когда был ПУШКИН ПУШКОЙ а я тобой

К. Кедров, 1980

В книге «Неравнодушная природа» и
статье «Вертикальный монтаж» Сергей
Эйзенштейн открывает тайну контрапункта
пространства-времени. Каждому зримому
(пространственному) событию на экране
соответствует контрапунктное слуховое или
звуковое событие во времени. Пример –
древнекитайская притча. Мудрец созерцает
рябь на поверхности пруда. «Что ты делаешь?»
– спрашивают его ученики. – «Я созерцаю

радость рыбок». Самых рыбок не видно, видна
рябь от их подводной игры. Так музыка
должна быть рябью того, что видим, а то, что
видим, должно передавать рябь звучанию.
Сергей Эйзенштейн назвал это «вертикальный
монтаж», или «4-е измерение в искусстве».

Это своего рода эквивалент открытия
Германа Минковского в геометрии и физике.
На графике Минковского линия мировых
событий – это рябь пространства на
поверхности времени и времени на
поверхности пространства. Они
контрапунктны. Подъёму в пространстве
соответствует провал во времени.

Так, Велимир Хлебников говорит:
«Стоит Бешту, как А и У, начертанные иглой
фонографа». А – гребень волны, У – вогута
поверхность ряби.

Вот зримое воплощение контрапункта:

Бобэоби пелись губы –

втянутая воронка У в глУбь мира.

Пиээо пелись брови –

расходящиеся от О круги в ширину на
поверхности ряби.

Лиэээй пелся облик –

И в обликЕ связует, стягивает воедино
глубину У и шИрИну И.

Осталось связать всё это мировой цепью –

Гзи-гзи-гээо пелась цепь.

И вот перед нами мировой лик – автопортрет
поэта-вселенной или вселенной-поэта:

*Так на холсте каких-то соответствий
Вне протяжения жило лицо.*

Первое измерение в движении даёт
линию на плоскости. Таковы плоские фрески и
барельефы Древнего Египта. Над плоскостью
листа и любой поверхности мы парим
изначально. А вот как воспарить над объёмом?
Ведь пространство физическое трёхмерно.
Богословы объяснят, почему. Догма о Троице
напрашивается. Напрашивается и связь его с
трёхипостасным прошло-будуще-настоящим
и с трёхмерным объёмом пространства.

Однако математики имеют дело с эн-
мерным миром. А физики и космологи от
пятимерной модели Калуцы пришли к
одиннадцатимерной модели мира. Выход в 4-е
измерение – это 4-я координата пространства-
времени Г. Минковского. Хлебников это понял

сразу. И сразу решил, что «узор точек заполнит эн-мерную протяжённость».

Пять чувств – это пять точек в четырёхмерном континууме. Они разрознены: слух, зрение, осязание, обоняние, вкус. Как только время перестанет быть отдельной от пространства иллюзией, «узор василька сольётся с кукованием кукушки». Проще говоря, звуку будет соответствовать цвет, как у Рембо, Скрябина, Римского-Корсакова. О своем звукозрении Хлебников рассказал в Звёздной Азбуке «Зангези»:

ЭМ – синий всё заполняющий объём – масса,

Пэ – белый разлетающийся объём – порох, пух, пыль,

ЭС – расходящийся из одной точки – свет, сияние,

Зэ – отражение и преломление – зигзица (молния), зеркало, зрачок,

Вэ – вращение вокруг точки – «вэо вэо – цвет черёмух.

В принципе это может быть и по-другому. Важно соответствие цвета звуку, контрапункт Сергея Эйзенштейна. Таким образом, законы времени – «Доски судьбы» Хлебникова – это контрапункт четырёхмерного континуума. Или вибрация мирового звука, запечатлённая, как волны, на граммофонной пластинке. Впадины – 317, буруны – 365. Универсальная модель АУ – УА. Мир как эхо крика младенца.

Скачок от двухмерности к трёхмерному объёму – перспектива эпохи Возрождения. Она заполнена фресками Микеланджело и Леонардо. Озвучена объёмными мессами от Баха до Бетховена. В этом объёме ад, рай, чистилище Данте или панорамы «Войны и мира» Льва Толстого.

Выход в 4-е измерение – это Пикассо, Сезанн, Матисс, Эшер, Магрит. В слове это футуризм будетлян, кубофутуристов и обэриутские драмы Александра Введенского, которого интересовали только две вещи – «время и смерть». При этом одно не может быть понято без другого. Машина времени Хлебникова – это горло поэта. «*Лавой беги, человечество, конницу звуков взнуздав*». Влом во вселенную увиденным звуком и услышанной цифрой. Ибо самое великое событие – это «вера 4-х измерений». Это записано Хлебниковым «иглоу дикобраза».

Итак, первые слова Хлебникова: «Он связал пространство и время», – и последние: «вера 4-х измерений», – совпадают и сливаются по всем параметрам.

Если соединить прозрения Хлебникова с прозрениями Германа Минковского, мы увидим кальку мировых событий, вычерченную лучами света.

Кирасир

*Драгунский полк сияя
саблями летел
хватая перспективу
Навстречу пёр
кавалергардский полк
и трубами сиял*

*Когда слилось сиянье
сабли и трубы
всё вспыхнуло вокруг
и прежде нежели
скрестились сабли
друг с другом встретились лучи.*

*Весь этот узел света
распутать не могли и разрубить
всё более запутываясь
сабли*

*И в час когда душа
безумная
от тела отдалялась
она металась в кутерьме лучей*

*Вот кирасир
подобен солнцу он
когда рубил на части перспективу
но в теле был он смел
как кокон медный
его душа как бабочка металась
пока не улетел в сиянье он*

*Никто не знал
сколь сложен сей чертёж
из кальки световой на кальке
когда летит с рейсфедера душа
познавшая премудрость
сверхрейсины*

К. Кедров, 1988

Большая ошибка считать, что проект футуристов уже завершён. Он был прерван, что называется, на полуслове в 30-х годах и продолжился в метаметафорических озарениях от начала 70-х годов прошлого века и до настоящего времени. А в глазах читателей, увязших в дофутуристическом, так называемом серебряном веке, он ещё и не начинался. Так что прислушаемся к Малевичу, открывшему в плоскости двумерного квадрата Эн-мерный мир:

– Я открыл бездну – за мной, авиаторы!..

Квадрат Малевича

Обронённая фольга
в мёртвом воздухе звенит
свой затейливый повтор
продолжает сладкий звук

свет ночной намолочен
резко сдвинута ночь
как комод
и от пыльного лунного света
остался квадрат под квадратом

манит тёплой лунною пылью квадрат
не смываемый никем и ничем
не вмещающая обтекает себя квадрат
как рог изобилия сыплет квадрат
вещами
в отсутствующей вещи
немного больше вещей

из него выпадает ночь
и прозрачная пыльная луна
извлечена
как корень
сладко ноет корень
молочных зубов луны
вот и вылетел пыльный мотылёк

осыпая пол пылью
Квадрат приподнялся
вспорхнул
и улетел
оставляя тень квадрата

Разумеется, поэзия дышит, где хочет. Она может спокойно раскачиваться в гамаке 19-го века вместе с Бродским, Ходасевичем, Ахматовой и другими поэтами, не выходящими из дома, дабы не совершать ошибку. И они по-своему правы – пошто волноваться и суетиться, когда и так уютно. Однако для Хлебникова, Кручёных и для открывателей метаметафоры гамачок тесен. Они тоже правы – по-своему:

Я вышел к себе
Через-навстречу-от
И ушёл ПОД
Воздвигая НАД

Не зову за собой никаких авиаторов. Просто осваиваю внешневнутренние миры со своим Вергилием-Велимиром.